

X 6,58

САМОЕ ВЕЛИКОЕ ВЪ МІРѢ.

РѢЧЬ

ПРОФЕССОРА Генри Друммонда.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

С. ДОЛГОВА.

~~~~~  
Изданіе второе.  
~~~~~

МОСКВА.

Типографія И. Д. Сытина и К^о, Валовая ул., соб. домъ.

1893.

САМОЕ ВЕЛИКОЕ ВЪ МІРѢ.

Р Ъ Ч Ъ

ПРОФЕССОРА Генри Друммонда.

Переводъ съ англійскаго

С. ДОЛГОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

Типографія И. Д. Сытина и К^о., Валовая улица, собств. домъ.

1893.

Отъ Московскаго духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, 25 февраля 1893 г.

Цензоръ протоіерей *Александръ Смирновъ*.

Отъ переводчика

(къ 1-му изданію).

Предлагаемыя здѣсь въ русскомъ переводѣ рѣчи принадлежатъ профессору естественныхъ наукъ Глазговскаго университета Генри Друммонду, автору замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ сочиненія: „Natural Law in the Spiritual World“ (Естественный законъ въ духовномъ мірѣ). Читая, въ будни, лекціи по біологіи и физикѣ, Друммондъ ведетъ, по воскресеньямъ, частныя бесѣды со студентами и постороннею публикою, охотно собирающеюся у него въ эти свободные дни послушать его проникнутыя глубокою мыслью и искреннимъ чувствомъ разсужденія на нравственныя и религіозныя темы. Бесѣды эти почти всегда стенографируются и расиросстраняются иной разъ въ видѣ печатныхъ брошюръ даже безъ вѣдома автора, какъ случилось и съ двумя изъ предлагаемыхъ здѣсь. Въ виду этого, Друммонду пришлось пересмотрѣть стенографическія записи и уже въ такой провѣренной редакціи издать въ свѣтъ. Первые исправленныя изданія появились въ промежутокъ времени съ конца 1889 по начало 1891 года, и съ тѣхъ поръ всѣ три рѣчи успѣли разойтись въ Англіи въ количествѣ около 300,000 экземпляровъ каждая. Почти такой же пріемъ нашли эти скромныя по размѣрамъ сочиненія и въ другихъ странахъ Западной Европы. Мы увѣрены, что неменьшаго сочувствія заслуживаютъ они и со стороны русской читающей публики, тѣмъ болѣе въ настоящую пору замѣтнаго оживленія въ нашемъ обществѣ интереса къ религіознымъ вопросамъ.

Москва.
Декабрь 1891 г.

Ко 2-му изданію.

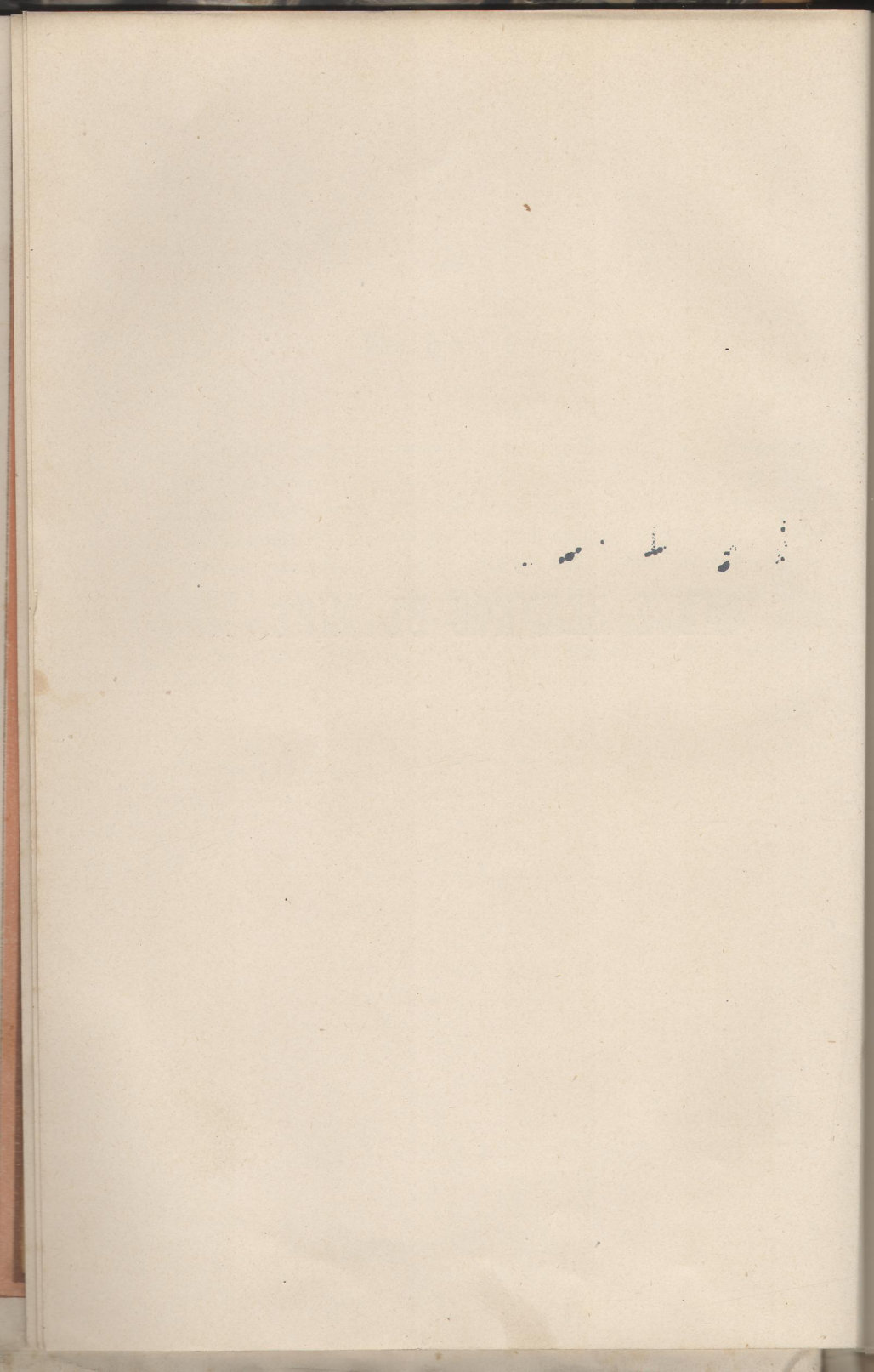

Успѣхъ перваго изданія рѣчей Друммонда, разошедшагося въ сравнительно короткій, едва годичный, срокъ, оправдалъ нашу увѣренность въ сочувствіи русскихъ читателей къ этимъ произведеніямъ шотландскаго профессора. Руководясь цѣлью сдѣлать настоящее, второе, изданіе ихъ болѣе доступнымъ по цѣнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ желая доставлять возможность пріобрѣтать каждую рѣчь отдѣльно, мы выпускаемъ ихъ тремя отдѣльными книжками, сохраняя для каждой названіе, принятое въ первомъ изданіи.

С. Долговъ.

Москва.
Мартъ 1893 г.

САМОЕ ВЕЛИКОЕ ВЪ МІРѢ.

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имѣю; то я мѣдь звенящая, или кимвалъ звучащій. Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе, и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви; то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю; нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы.

Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ,

Любовь не завидуетъ,

Любовь не превозносится, не гордится,

Не безчинствуетъ,

Не ищетъ своего,

Не раздражается,

Не мыслитъ зла;

Не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ;

Все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется,
все переноситъ.

Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится. Ибо мы отчасти знаемъ, и отчасти пророчествуемъ; когда же настанетъ совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я былъ младенцемъ, то по-младенчески говорилъ, по-младенчески мыслилъ, по-младенчески рассуждалъ; а какъ сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое. Теперь мы видимъ какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицомъ къ лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно какъ я позналъ. А теперь пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше» (I Кор., 13).

САМОЕ ВЕЛИКОЕ ВЪ МІРѢ.

Всякому, конечно, приходилось задавать себѣ великій вопросъ древняго и новаго времени: въ чемъ заключается *summum bonum* — высшее на свѣтѣ благо? Передъ нами жизнь. Только разъ можемъ мы пережить ее. Чего же должны мы желать прежде всего, что должно быть высшею цѣлью нашихъ стремленій?

Большинство отвѣчаетъ, что для религіознаго человѣка выше всего вѣра. Въ теченіе вѣковъ это великое слово было основнымъ тономъ религіозной жизни народовъ, и мы свыклись съ мыслью, что вѣрѣ принадлежитъ первое мѣсто. Но это не совсѣмъ такъ. Одною вѣрою цѣль еще не достигается. Имѣя передъ собою только-что прочитанную главу апостольскихъ посланій, мы стоимъ, такъ сказать, у источника христіанства. А въ этой главѣ сказано: *любовь изъ нихъ больше*. Это не случайное замѣчаніе. Ап. Павелъ въ началѣ той же самой главы говоритъ о вѣрѣ: *и если имѣю всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а любви не имѣю; то я ничто*. Слѣдовательно, нисколько не теряя изъ вида вѣры, онъ противопоставляетъ ее любви. *А теперь пребываютъ вѣра, надежда, любовь, сіи три*, говоритъ онъ и тутъ же, не колеблясь, рѣшаетъ: *но любовь изъ нихъ больше!*

Апостолъ пишетъ это не по какому-либо предрасположенію. Человѣку свойственно хвалить то, къ чему онъ самъ наиболѣе склоненъ. Отъ природы ап. Павелъ былъ не изъ тѣхъ, которые любви отдають предпочтеніе передъ всѣмъ другимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что внимательному наблюдателю легко прослѣдить чудеснымъ образомъ зародившуюся и съ годами все болѣе и болѣе открывавшуюся черту любви въ характерѣ этого апостола, но, при первой нашей встрѣчѣ съ нимъ, рука, написавшая, что „любовь изъ нихъ больше“, обагрена была кровью гонимыхъ имъ христіанъ.

Помимо того, въ превознесеніи предъ нами любви, какъ высшаго блага, посланіе къ Коринѣянамъ стоитъ далеко не одинокимъ. Посланники Христа *одного* мнѣнія на этотъ счетъ. Такъ ап. Петръ говоритъ: *болѣе же всего имѣйте усердную любовь другъ къ другу*, — *болѣе всего!* Іоаннъ Богословъ пишетъ даже, что *Богъ есть любовь*. Вы помните исполненное глубокаго смысла другое изреченіе того же ап. Павла, гдѣ онъ говоритъ, что „любовь есть исполненіе закона“. Размышляли ли вы когда-нибудь, что хотѣлъ сказать этими словами апостолъ? Люди, къ которымъ обращено было его посланіе, считали средствомъ достиженія небеснаго царствія исполненіе десяти заповѣдей и ста-десяти другихъ заповѣдей, выработанныхъ ими самими изъ первыхъ десяти. Христосъ же указываетъ гораздо простѣйшій путь. Исполнивъ только одну эту заповѣдь, говоритъ Онъ людямъ, вы тѣмъ самымъ исполните и тѣ сто-десять. Если будете имѣть любовь, несознательно выполните и весь законъ. Намъ самимъ не трудно убѣдиться въ этомъ. Возьмемъ любую изъ десяти заповѣдей. „*Да не будутъ тебѣ бози инии, развѣ Мене*“. Нужно ли говорить это тому, кто любить Бога? Любовь есть исполненіе этого закона. „*Не пріемли имени Господа Бога твоего всуе*“.

Употребить ли кто, любящій Бога, священное имя Его напрасно? „*Помни день субботній, еже святити его*“. Чье сердце утреннуетъ къ Богу, для того можетъ быть только величайшею радостью посвятить особому служенію Ему одинъ изъ семи дней. Такимъ образомъ, любовь есть исполненіе заповѣдей въ отношеніи къ Богу. И одинаково: нужно ли увѣщевать того, кто любитъ своего ближняго, чтобы онъ чтилъ отца и мать? Онъ чтитъ ихъ и безъ увѣщанія. Нужно ли запрещать ему убивать брата своего? Ему это и въ голову не придеть. Или красть? Онъ объ этомъ и не думаетъ. Зачѣмъ сталъ бы онъ желать отнять что-либо у другихъ, если они любы ему, или клеветать на нихъ, когда онъ дорожить ими? Совершенно излишне также говорить ему: „Не пожелай ничего, что принадлежитъ твоему ближнему“. Если онъ любитъ этого ближняго, то скорѣе самъ что-либо дастъ ему, чѣмъ будетъ ему завидовать. Таково, стало-быть, исполненіе закона въ любви, единственное правило для исполненія всѣхъ правилъ жизни, новый заветъ соблюденія всѣхъ древнихъ заповѣдей, единственная тайна, Христомъ для жизни христіанъ открытая.

Ап. Павелъ позналъ эту тайну, и въ тринадцатой главѣ своего перваго посланія къ Коринѣянамъ, въ этомъ высокому гимнѣ любви, рисуетъ намъ чудную картину *высшаго блага*. Эта хвала любви распадается на три части. Во вступленіи ея любовь изображается въ *противоположеніяхъ*, въ срединѣ разъясняется ея *содержаніе*, то-есть ея свойства, а въ концѣ она *превозносится какъ высшее благо*.

Противоположенія.

Ап. Павелъ начинаетъ съ противоположенія любви другихъ высокочтимыхъ въ тѣ времена вещей. Мы можемъ быть кратки здѣсь. Съ перваго взгляда видно, что этихъ другихъ вещей нельзя приравнивать къ любви.

Онъ противопоставляетъ любви краснорѣчіе, тотъ благородный даръ, ту силу, которая увлекаетъ и воодушевляетъ сердце и душу толпы, направляетъ мысли къ высокимъ цѣлямъ и на дѣла, угодныя Богу. *„Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имѣю; то я мѣдъ звенящая, или кимвалъ звучащій“*. И мы всѣ знаемъ — почему. Всѣмъ намъ хорошо знакома пустота словъ, лишенныхъ чувства, какая-то неубѣдительность самой красивой, талантливой рѣчи, если она не проникнута любовью.

Онъ противопоставляетъ любви пророчество, противопоставляетъ ей тайны, вѣру и милостыню. Почему любовь больше вѣры? Потому что цѣль важнѣе пути къ ней. Почему она больше милосердія, благотворительности? Потому что цѣлое больше своей части. Любовь больше вѣры, ибо цѣль важнѣе средствъ къ ней. Для чего нужна вѣра? Она соединяетъ душу съ Богомъ. А зачѣмъ ей соединеніе съ Богомъ? Затѣмъ, чтобы она уподоблялась Богу. А Богъ есть любовь. Слѣдовательно, вѣра есть путь, средство, а любовь — цѣль. Поэтому очевидно, что любовь больше вѣры. Она больше щедрости, благотворенія, потому что цѣлое больше своей части. Благотвореніе есть лишь небольшая часть любви, одно изъ разнообразныхъ проявленій любви. Любовь благотворитъ, но не всякое благотвореніе есть любовь. Сунуть мѣдную

монету въ руку попавшагося на улицѣ нищаго не трудно, пожалуй, даже легче, чѣмъ ничего не дать. Любовь можетъ такъ же вѣрно выразиться и въ отказѣ. Милостыней мы избавляемъ себя иной разъ отъ болѣзненнаго ощущенія, вызываемаго въ насъ видомъ нищеты. Слишкомъ дешевою цѣной думаемъ мы купить то, что порою такъ цѣнно бываетъ для нищаго. Наша истинная любовь къ нему можетъ высказаться и въ большемъ и въ меньшемъ.

Далѣе апостолъ говоритъ о любви въ сопоставленіи съ жертвою и мученичествомъ: *„Если отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю; нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы“*. Тѣхъ изъ васъ, которые хотятъ быть проповѣдниками слова Божія, я просилъ бы помнить, что если вы отдадите свои тѣла на сожженіе, а любви имѣть не будете, то не будетъ вамъ никакой пользы—никакой! Отправляясь къ язычникамъ, вамъ прежде всего нужно, чтобы на собственномъ существѣ вашемъ лежала печать и отраженіе любви Божіей. Любовь — вотъ настоящій языкъ всего міра. Годы нужны на то, чтобы выучиться говорить по-китайски или на какомъ-нибудь индійскомъ нарѣчій. Но съ первыхъ вашихъ шаговъ по чужой странѣ этотъ всѣмъ понятный языкъ любви будетъ, незамѣтно для васъ, источникомъ величайшаго краснорѣчія въ вашихъ устахъ. Сила проповѣди не столько въ словахъ человѣка, сколько въ немъ самомъ, въ его характерѣ. Въ сердцѣ Африки, среди великихъ озеръ, я встрѣчалъ туземцевъ, мужчинъ и женщинъ, которые помнили только одного блага человѣка изъ всѣхъ когда-либо видѣнныхъ ими — Давида Ливингстона. Лица чернокожихъ оживляются, когда они говорятъ о добромъ докторѣ, бывшемъ у нихъ много лѣтъ назадъ. Слова его англійской рѣчи были имъ непонятны, но они чувствовали на себѣ любовь, наполнявшую его сердце. Вотъ именно такую любовь берите съ собою, куда

бы вы ни шли; это простое средство, но въ немъ кроется чудесная сила, и работа ваша не пропадетъ даромъ. Больше этого вамъ нечего взять съ собою, а меньшее вамъ будетъ бесполезно. Съ меньшимъ не стоитъ и пускаться въ такой путь. Будь у васъ всѣ знанія, всѣ таланты міра, величайшая готовность къ жертвамъ, даже до самосожженія, но если въ васъ не будетъ любви, то ни вамъ, ни дѣлу Христа *не будетъ въ томъ никакой пользы!*

Свойства любви.

Послѣ сопоставленія краснорѣчія, пророчества, тайнъ, знанія и вѣры съ любовью, апостолъ въ трехъ весьма краткихъ стихахъ излагаетъ содержаніе этого высшаго блага. Онъ показываетъ намъ, что любовь сложна, какъ сложенъ лучъ солнечнаго свѣта. Мы знаемъ, что стеклянная призма, принимая лучъ свѣта, разлагаетъ его на его составные цвѣта: красный, синій, фіолетовый, желтый — на всѣ цвѣта радуги. Подобное видимъ и здѣсь. Апостолъ пропускаетъ духовный лучъ любви сквозь чудную призму своего вдохновеннаго ума — и лучъ выходитъ оттуда разложеннымъ на свои составныя части. Въ этихъ немногихъ словахъ передъ нами какъ бы спектръ любви. Посмотрите на его составныя части. Развѣ это не хорошо знакомыя намъ понятія, не обыденныя житейскія добродѣтели, составляющія столь частый предметъ нашихъ разговоровъ и доступныя каждому человѣку въ любомъ жизненномъ положеніи. Да, это все обыкновенныя вещи, очень простыя добродѣтели, дающія всѣ вмѣстѣ полный, единый лучъ любви, то высшее благо, къ которому устремлены наши желанія.

Ап. Павелъ представляетъ намъ цвѣтовую картину любви въ девяти краскахъ:

Терпѣніе	„Любовь долготерпитъ“.
Милосердіе	„И милосердствуетъ“.
Великодушіе	„Любовь не завидуетъ“.
Смиреніе	„Любовь не превозносится, не гордится“.
Вѣжливость	„Не безчинствуетъ“.
Безкорыстіе	„Не ищетъ своего“.
Кротость	„Не раздражается“.
Простодушіе	„Не мыслитъ зла“.
Искренность	„Не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ“.

Терпѣніе, милосердіе, великодушіе, смиреніе, вѣжливость, безкорыстіе, кротость, простодушіе, искренность — таковы слагаемыя высшаго блага, таковы отдѣльныя черты совершеннаго человѣка. Вы видите, что всѣ онѣ имѣютъ въ виду нашу настоящую жизнь на землѣ, наши отношенія между собою; касаются настоящего дня и недалекаго завтра, а не невѣдомой намъ пока вѣчности. Мы много слышимъ о любви къ Богу; Христосъ же говорилъ много и о любви къ людямъ. Мы преимущественно заботимся о примиреніи съ Небомъ, а Иисусъ Христосъ завѣщалъ намъ кромѣ того соблюдать миръ и между нами. Религія христіанская не есть нѣчто чуждое, внѣшнее намъ; это духомъ Христа творимое въ насъ освященіе нашей ежедневной жизни, приобрѣтеніе образа вѣчнаго во временномъ мірѣ. Высшее благо не внѣшняя для насъ вещь; это ростъ, это жизнь внутри насъ, это просвѣщеніе всего безконечнаго разнообразія нашихъ словъ и дѣйствій, изъ коихъ слагается наше земное существованіе.

Разсмотримъ вкратцѣ составныя части любви.

Любовь есть *терпѣніе*. Это ея существенное свойство; она не можетъ быть иною; она „долготерпитъ“, всегда готова отозваться на первый же призывъ, но

она можетъ ждать, она терпѣлива, не навязчива. Спокойствіе — ея одежда; тихое, кроткое сердце — ея украшеніе. Она все переноситъ, всему вѣритъ, на все надеется. У нея удивительно тонкое разумѣніе, а потому она можетъ ждать.

Милосердіе, это дѣятельная любовь. Замѣчали ли вы, насколько жизнь Христа полна добрыхъ дѣлъ? Она вся прошла въ дѣлахъ милосердія. Прослѣдите ее по Евангеліямъ, и вы увидите, что большую часть Своего времени Христосъ употреблялъ на то, чтобы дѣлать людей счастливыми. Выше счастья стоитъ одно — святость; но освятить человѣка не въ нашей власти. Зато счастье нашихъ ближнихъ, а потому и наше собственное, Богъ въ значительной мѣрѣ отдалъ въ наши руки, въ руки услужливой, „милосердствующей“ любви.

„Лучшее, что человѣкъ можетъ сдѣлать въ отношеніи къ своему Отцу Небесному“, говоритъ кто-то, „это милосердіе къ Его остальнымъ дѣтямъ“. Почему въ насъ всѣхъ такъ мало милосердія къ своимъ ближнимъ? А вѣдь въ этомъ такъ нуждается міръ, случаи къ дѣланію добра являются ежеминутно, и это такъ легко, такъ дѣйствительно и выгодно. Какъ преизобильно вознаграждается милосердіе! На свѣтѣ нѣтъ такого вѣрнаго, такого щедро-честнаго должника, какъ любовь. „*Любовь никогда не перестаетъ*“. Въ любви и выгода, и счастье, и жизнь. „Любовь“, говоритъ поэтъ, „есть дѣйствующая сила жизни“.

„Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“. Пребывающій въ любви, пребываетъ въ Богѣ. Богъ есть любовь. Поэтому творите дѣла любви. Творите ихъ безъ разбора, безъ разчета, безъ замедленія. Дарите любовь въ изобиліи бѣднымъ — это легкое дѣло; дарите ее богатымъ — они часто больше всѣхъ въ ней нуждаются; любите прежде всего равныхъ себѣ, что часто бываетъ совсѣмъ не легко.

Мы, можетъ быть, меньше всего дѣлаемъ для тѣхъ, съ кѣмъ намъ приходится жить. Но большая разниа между желаніемъ снискать расположеніе людей угодливостью и дѣйствительною заботою о ихъ пользѣ и счастіи! Живите же на радость другихъ; не пропускайте ни одного случая доставить имъ счастіе. Такая постоянная готовность къ услугамъ составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній любви. „Жизнь переживается мною только однажды. Что для меня на этомъ пути возможно — здѣсь доброе слово, тамъ доброе дѣло—не буду пропускать этой возможности, такъ какъ вторично мнѣ никогда не придется проходить этимъ путемъ“.

Великодушіе. — „Любовь не завидуетъ“; она безстрастна, спокойна. Здѣсь говорится о любви въ соревнованіи съ другими. Дѣлая добро, мы часто видимъ, что другіе дѣлаютъ то же самое, и дѣлаютъ, можетъ быть, лучше насъ. Не завидуйте имъ. Зависть, это—недоброжелательство къ тѣмъ, кто дѣйствуетъ въ одномъ направленіи съ нами. Какъ плохо ограждаетъ насъ отъ этого, вполне нехристіанскаго чувства, даже нашъ трудъ ради Христа! Совершивъ доброе дѣло, берегитесь этого недостойнѣйшаго изъ всѣхъ свойственныхъ намъ побужденій, упражняйтесь въ великодушіи, которое охотно остается позади другихъ. Объ одномъ нужно ревновать—о великодушіи христіанскомъ, которое „не завидуетъ“, не ревнуетъ.

Научившись всему этому, заботьтесь о *смирении* — запечатайте ваши уста и забудьте о своихъ добрыхъ дѣлахъ. Явили ли вы милосердіе, сердечность, ласку, пусть все это остается скрытымъ. Если любовь ваша блеснула тамъ или здѣсь, скройте ее опять въ тѣни. Истинная любовь таится отъ самой себя, она страшится самодовольства, „она не превозносится, не гордится“.

На первый взгляд кажется страннымъ встрѣтить въ качествѣ пятой составной части высшаго блага *въжливость*, или приличіе. Это любовь въ общежитіи, любовь въ ея отношеніи къ добрымъ нравамъ. „*Любовь не безчинствуетъ*“. Кто-то назвалъ въжливость любовью въ мелочахъ. Весь секретъ истинной въжливости въ томъ, чтобы имѣть любящее сердце. Любовь не можетъ быть неучтива. Есть разница между такъ-называемымъ утонченнымъ и сердечнымъ обращеніемъ. Можно ввести совершенно необразованнаго человѣка въ самое изыщенное общество; если въ его сердцѣ таится сокровище любви, онъ не нарушитъ правилъ приличія просто потому, что не можетъ быть неприличнымъ. Карлейль сказалъ о Робертѣ Бёрнсѣ, что во всей Европѣ не найдется болѣе истиннаго джентльмена, чѣмъ этотъ поэтъ-крестьянинъ. А почему? Потому что его теплое сердце обнимало все Божіе созданіе: и полевая мышь, перебѣгавшая передъ его плугомъ, и росная у его дома маргаритка—все было предметомъ его любовнаго вниманія. Вотъ источникъ чаръ этого человѣка, лучшихъ всякаго лишь внѣшняго лоска; простой земляпашецъ-поэтъ изъ Нижней Шотландіи съ такимъ паспортомъ находилъ свободный пріемъ въ любой гостиной и нигдѣ не нарушалъ правилъ приличія.

Безкорыстіе.—„*Любовь не ищетъ своего*“. Замѣтите: она не ищетъ даже того, что принадлежитъ ей по праву. У всякаго изъ насъ есть свои права, но бываютъ минуты, когда мы можемъ и должны, соблюдая высшее право, отказываться отъ своего собственнаго. Но ап. Павелъ не призываетъ насъ къ отреченію отъ своихъ правъ. Любовь требуетъ большаго. Она ничего не знаетъ о правахъ, ей хотѣлось бы научить насъ совѣмъ забывать о нихъ, отбросить всякое исканіе и желаніе своего. Отступиться отъ своихъ правъ не всегда бываетъ самымъ труднымъ дѣломъ, потому что права эти часто

вполнѣ внѣшняго свойства. Трудно намъ отдать самихъ себя и еще труднѣе ничего не искать для себя. Уступка нашихъ правъ, въ сущности, является уже запоздалымъ дѣломъ для истиннаго безкорыстія. Поискавъ, достигнувъ, заслуживъ свое, мы уже получили награду. Тогда, можетъ быть, уже не будетъ очень большой жертвой отказъ отъ своихъ правъ. Но не искать ихъ, заботиться не о томъ, что подобаешь намъ, а о томъ, чтобы получили свое другіе—*id opus est*—это искусство!—„Домогаешься ли ты великаго?“—говоритъ пророкъ, „*не домогайся*“. А почему? Потому что въ земномъ нѣтъ величія; въ этомъ мірѣ не можетъ быть ничего великаго. Велика лишь одна безкорыстная любовь. Даже самоотреченіе само по себѣ—ничто; это—почти заблужденіе. Только высокая цѣль или еще большая любовь могутъ оправдать подобную жертву.

Если я передъ этимъ сказалъ, что труднѣе совсѣмъ не искать своего, нежели послѣ исканія отъ него отступить, то теперь я долженъ взять назадъ эти слова; они относятся только къ такому сердцу, изъ котораго еще не совсѣмъ исчезло самолюбіе. Для любви нѣтъ трудностей, ничто для нея не составляетъ жертвы. Я вѣрю, что иго Христа легко; а что такое Его иго. какъ не жизнь въ Его Духѣ? Да, я думаю, что Его путь легче всякаго другого. Я думаю также, что Его путь приносить счастья больше всякаго другого. И ничто Онъ такъ ясно и отчетливо не показалъ намъ, какъ то, что счастье наше заключается не въ обладаніи, не въ приобрѣтеніи, а въ даваніи. Я повторяю: *Не въ обладаніи, не въ приобрѣтеніи состоитъ наше счастье, а въ даваніи!* Быть счастливыми мы всѣ желаемъ, но большинство изъ насъ идутъ къ счастью не настоящей дорогой; они думаютъ, что счастье заключается въ томъ, чтобы имѣть много денегъ и всякаго имѣнія и пользоваться услугами

другихъ. Счастіе же состоитъ въ томъ, чтобы давать, и въ томъ, чтобы служить. „Кто изъ васъ хочетъ быть первымъ“, говоритъ Господь, „пусть будетъ всѣмъ слуга“. Кто хочетъ быть счастливымъ, тотъ долженъ помнить, что для этого есть только одинъ путь — что блаженнѣе, счастливѣе тотъ, кто даетъ, нежели тотъ, кто получаетъ.

Переходимъ къ *кротости*. — „Любовь не раздражается“. Кротость, мягкость нрава — какимъ образомъ могутъ относиться сюда эти, повидимому, неважныя свойства! Мы склонны смотрѣть на вспыльчивый, раздражительный нравъ, какъ на невинную слабость. Называемъ это неважною погрѣшностью природы, наслѣдственной чертою, особенностью темперамента, вообще не придаемъ этому большого значенія въ оцѣнкѣ характера человѣка. А между тѣмъ, эта невинная по-нашему слабость занимаетъ срединное мѣсто въ приведенномъ анализѣ любви; и Библія во многихъ мѣстахъ предостерегаетъ противъ этихъ слабостей, какъ противъ губительнѣйшихъ началъ въ человѣческой природѣ.

Замѣчательно, что такого рода погрѣшности нерѣдко встрѣчаются именно у людей прекрасныхъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; онѣ являются часто единственнымъ пятномъ на вообще благородномъ характерѣ. Мы знаемъ мужчинъ, которыхъ ни въ чемъ другомъ упрекнуть нельзя, за исключеніемъ того, что они такъ легко раздражаются, — женщинъ, вообще безукоризненныхъ, но слишкомъ чувствительныхъ, слишкомъ легко выходящихъ изъ себя. Это совмѣстное существованіе погрѣшностей темперамента со строго-нравственнымъ характеромъ составляетъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ и вмѣстѣ печальнѣйшихъ загадокъ этики. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ: существуютъ два большіе разряда грѣховъ — грѣхи *плоти* и грѣхи *духовные*. Въ блудномъ сынѣ

мы можемъ видѣть примѣръ первыхъ, въ его старшемъ братѣ образецъ вторыхъ. Люди такъ-называемаго хорошаго тона ни на минуту не затруднятся сказать, что худшее изъ двухъ — къ позорному столбу слѣдуетъ поставить блуднаго сына. Но правильный ли это судъ? Намъ не годится класть на вѣсы взаимные недостатки и погрѣшности, и слова „грубѣе“ и „благороднѣе“ — человѣческія выраженія; но грѣхи въ высшей природѣ, грѣхи духовные, заслуживаютъ большаго осужденія, чѣмъ грѣхи въ низшей природѣ, и въ глазахъ Того, Кто есть любовь, грѣхъ противъ любви можетъ быть въ тысячу разъ хуже. Никакой порокъ, никакая суетность, никакая жажда къ золоту, ни даже пьянство не въ состояніи настолько повредить христіанству, сколько именно эти недостатки темперамента. Ничто не можетъ въ такой степени ожесточить жизнь, посѣять вражду, разрушить священнѣйшія семейныя узы, лишить мужчинъ ихъ мужескаго, спокойнаго достоинства, женщинъ — истинной женственности, дѣтей — ласковаго чистосердечія, какъ такъ-называемыя погрѣшности характера, угрюмый, вспыльчивый, раздражительный нравъ. Вглядитесь поближе въ старшаго брата блуднаго сына: это — честный, трудолюбивый, добросовѣстный, безпорочный человѣкъ, сколько намъ извѣстно; и мы не думаемъ лишать его заслуженныхъ имъ похвалъ. Но вотъ этотъ человѣкъ, какъ упрямый ребенокъ, стоитъ полный досады у дверей отцовскаго дома. „Онъ разнѣвался“, сказано въ Евангеліи, „и не хотѣлъ войти“. Какимъ нарушителемъ радости явился этотъ недовольный сынъ въ глазахъ отца, слугъ; какъ омрачило его поведеніе веселость приглашенныхъ и какъ дико оно должно было показаться даже блудному сыну! И сколько такихъ заблудшихъ сыновей не рѣшаются вернуться подъ родную кровлю, боясь суровой, непривѣтливой встрѣчи со стороны благочести-

выхъ братьевъ, стоящихъ на порогѣ царствія Божія! Чтобы познакомиться съ этими погрѣшностями характера, бросимъ взглядъ на грозныя тучи, собравшіяся вокругъ чела брата. Что омрачаетъ его? Ревность, недоброжелательство, гнѣвъ, высокомеріе, жестокость, самодовольство, обидчивость, раздражительность — таковы свойства этой темной, непривлекательной души. Въ большей или меньшей степени сказываются они и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дурного расположенія духа. Какъ же послѣ этого не сказать, что такіе духовные пороки могутъ быть губительнѣе для насъ и для окружающихъ насъ, чѣмъ грубые пороки блуднаго сына? Развѣ Самъ Христосъ не отвѣтилъ намъ на этотъ вопросъ словами: *„Истинно говорю вамъ, что мытари и блудницы впереди васъ идутъ въ царствіе Божіе!“* Для людей такого нрава вообще нѣтъ мѣста на небѣ. Они даже на небѣ испортили бы радость блаженнымъ. Поэтому, если только вторично не родится такой человѣкъ, онъ просто не можетъ войти въ царство небесное. Не говорю: не войдетъ, а говорю: не можетъ войти. Мнѣ не хотѣлось бы быть невѣрно понятымъ, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что только тотъ взойдетъ на небо, кто въ сердцѣ своемъ приносить съ собою небесную природу.

Теперь намъ понятно, почему эти недостатки характера имѣютъ такое важное значеніе: въ нихъ обнаруживается сокровенный, внутренній міръ человѣка. Вотъ почему, можетъ быть, вопреки ожиданію, я рѣшился на такую откровенную рѣчь! Нашъ характеръ, это пробный камень любви, внѣшній признакъ пребыванія ея внутри насъ или доказательство ея отсутствія въ глубинѣ нашего духовнаго существа. Дурное расположеніе духа, это — перемежающаяся лихорадка, указывающая на существованіе хроническаго внутренняго недуга; это — случайное проступленіе наружу гноя изъ глубоко сидящей

опухоли, пузырекъ ядовитаго газа, поднимающагося съ гніющаго илистаго дна, проявленіе скрытой испорченности сердца въ минуту оплошности — однимъ словомъ, проблескъ всевозможныхъ некрасивыхъ и нехристіанскихъ чувствъ. То, что проскальзываетъ изъ глубины сердца при такихъ вспышкахъ характера, составляетъ совершенную противоположность терпѣнію, дружелюбію, великодушію, вѣжливости, безкорыстію.

Поэтому недостаточна одна внѣшняя обработка характера; слѣдуетъ обращать вниманіе на самыя основы его; необходимо обновить наше сердце, и тогда сами собою прекратятся дурныя выходки характера. Но для того, чтобы исцѣлить душу, мало извлечь изъ нея дурныя соки; нужно еще вложить въ нее нѣчто, вложить любовь, новый духъ, Духъ Христа. Христось, или Духъ Христовъ, проникая нашъ духъ, обновляетъ, очищаетъ, перерождаетъ все наше существо. Только Имъ могутъ быть искоренены дурныя начала нашей природы, произведена въ ней существенная перемѣна, обновленъ, возрожденъ, возстановленъ внутренній человѣкъ. Преобразовать человѣка не можетъ ни сила воли, ни время. Это возможно только Христу. *„Пусть, поэтому, будутъ въ насъ такія же чувствованія, какія и во Іисуса Христа“*, какъ сказано въ одномъ изъ посланій ап. Павла. А нѣкоторымъ изъ насъ остается для этого, можетъ быть, очень немного времени. Помните, что дѣло идетъ о жизни или смерти. Для меня, для васъ нѣтъ болѣе серьезнаго вопроса. *„А кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, ввергающихъ въ Меня; тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его во глубинѣ морской“*. Этими словами Господь Іисусъ изрекаетъ ясный приговоръ, что лучше не жить, чѣмъ не любить. *Лучше не жить, чѣмъ не любить.*

Еще лишь нѣсколько словъ о *простодушiи и искренности*. Простодушiе, это — благодатный даръ для недовѣрчивыхъ. Обладанiе имъ составляетъ великую тайну личнаго влiянiя. Немного подумавъ, вы убѣдитесь, что люди, имѣющiе на насъ влiянiе, это — тѣ, кто намъ вѣритъ. Въ средѣ недовѣрчивыхъ человекъ замыкается въ себѣ; тамъ же, гдѣ онъ встрѣчаетъ довѣрiе, сердце его охотно раскрывается, находя одобренiе въ сочувствующемъ ему обществѣ. Безконечна должна быть наша благодарность Богу за то, что въ этомъ жестокомъ, незнающемъ любви мiрѣ попадаются люди — это лишь рѣдкiя, благородныя души — про которыхъ можно сказать, что они не мыслятъ зла. Это тѣ, кто, хотя въ мiрѣ, но не отъ мiра. „*Любовь не мыслитъ зла*“, не предполагаетъ дурного, не принимаетъ его въ расчетъ; она всегда ожидаетъ отъ другихъ наилучшаго, смотритъ на все съ хорошей стороны. Какое счастливое состоянiе духа! Какъ благодатно, какъ благотворно встрѣтитъ незлобiе хотя бы и на короткое время! Довѣрiе это — спасенiе. Пытаясь влiять на людей или воспитывать ихъ, мы скоро замѣчаемъ, что успѣшность нашихъ усилiй прямо пропорциональна степени ихъ увѣренности въ нашемъ довѣрiи къ нимъ. Уваженiе со стороны другихъ составляетъ первое условiе возстановленiя утраченнаго человекомъ уваженiя къ самому себѣ. Наше идеальное представленiе о немъ дѣлается для него предметомъ надежды и образцомъ того, чѣмъ онъ можетъ быть.

Любовь „*не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ*“. Я называю это искренностью, основываясь на словахъ: „*сорадуется правдѣ*“, потому что кто поситъ любовь въ своемъ сердцѣ, тотъ любитъ правду не меньше, чѣмъ своего ближняго. Онъ радуется правдѣ; онъ не останавливается надъ тѣмъ, что считается истиннымъ, ни надъ тѣмъ, что утверждается тѣмъ или другимъ уче-

ніемъ; онъ не радуется тому или другому мнѣнію, а радуется только правдѣ. Смиренно и чистосердечно старается онъ извлечь ее изъ тѣхъ оболочекъ, въ которыя окутали ее люди; онъ хочетъ быть ученикомъ только правды и каждую добытую крупицу хранить свято, гдѣ бы и съ какими бы жертвами онъ ни отыскалъ ее. Но словами „не радуется неправдѣ, но сорадуется истинѣ“, указывается на извѣстнаго рода самоограниченіе, не позволяющее извлекать выгодъ изъ слабостей другихъ. Любовь не радуется, когда согрѣшаютъ другіе, напротивъ, — „покрываетъ все“. Въ этихъ словахъ указывается на искреннее стремленіе истинно любящаго сердца видѣть вещи такими, каковы онѣ въ дѣйствительности, и — на радость его, когда онѣ оказываются лучше, чѣмъ какими считала ихъ людская недовѣрчивость или выставляла клевета.

Таково содержаніе любви. Намъ остается обогатить имъ нашу жизнь и существо наше, направить всѣ усилія къ тому, чтобы упражняться въ любви. И развѣ жизнь не представляетъ намъ ежедневно тысячи поводовъ научиться любви? — Свѣтъ не игдалище, а школа. Жизнь — не праздникъ, а рабочий день. Это — воспитаніе; и постоянно предлежащая намъ задача состоитъ въ томъ, чтобы *учиться все лучше и лучше любить*. Чѣмъ вырабатывается тѣлесная ловкость? Упражненіемъ. Что нужно для того, чтобы стать хорошимъ художникомъ, скульпторомъ, скрипачемъ? Упражненіе. Что дѣлаетъ хорошій языковѣдъ, хорошій стенографъ, вообще всякій человѣкъ, чтобы достигнуть успѣха въ своей специальности? Упражняйтесь — и больше ничего. Такъ и въ отношеніи религіи. Душа наша развивается не какимъ-нибудь особымъ путемъ, не по какимъ-либо особымъ законамъ, но точно такимъ же образомъ, какъ растетъ наше тѣло, прибавляется разумъ. Кто не упражняетъ

своихъ членовъ, тотъ не развиваетъ мускульной силы; одинаково, остающійся внутренно празднымъ не приоб-рѣтаетъ ни нравственнаго совершенства, ни духовнаго роста, ни силы, ни красоты души. Любовь не минутное возбужденіе; это — обильное, цѣлостное, полное проявленіе возрастанія Христова, христіанская природа въ полнѣйшемъ своемъ развитіи. И такой мужеской зрѣлости духа мы достигаемъ только непрестаннымъ упражненіемъ.

Что дѣлалъ Иисусъ въ мастерской плотника? Онъ учился. Онъ, Совершенный, читаемъ мы, *учился* послушанію, преуспѣвалъ въ премудрости и въ любви у Бога и человѣковъ. Не ропщите на свою жизнь, не жалуйтесь на безконечныя заботы, на мелочность окружающихъ васъ, на непріятности, которыя вамъ приходится переносить, на недружелюбіе и низость людей, съ которыми вы должны жить и работать. Первѣе всего не ожесточайтесь противъ искушеній; не смущайтесь, что они, повидимому, постоянно увеличиваются и въ числѣ и въ силѣ, не уступая ни стараніямъ, ни самымъ отчаяннымъ усиліямъ съ вашей стороны, ни даже молитвѣ. Въ этомъ именно и состоитъ предназначенный вамъ Богомъ подвигъ; въ этомъ видно дѣйствіе упражляющаго васъ Духа Божія, который хочетъ сдѣлать васъ и терпѣливыми, и кроткими, и великодушными, и безкорыстными, и услужливыми, и милосердными. Не отклоняйте руку, желающую создать въ васъ совершенное подобіе Творца! Пусть слабы и блѣдны въ васъ очертанія этого образа, но красота его, хотя и невидимо для васъ, растетъ, и всякая новая борьба съ искушеніемъ все болѣе приближаетъ этотъ образъ къ совершенству подобія. Поэтому не уходите изъ міра, оставайтесь посреди жизни, между людей, среди ихъ дѣлъ и заботъ, среди тягостей и препятствій. Вы помните слова Гёте: „Талантъ

зрѣть въ тишинѣ, характеръ въ водоворотѣ свѣта“. Въ одиночествѣ быстрѣе и полнѣе развиваются такіе дары, какъ даръ молитвы, вѣры, проникновенія въ вѣчность, даръ прозрѣнія. Характеръ же крѣпнетъ въ потокѣ жизни этого міра. И здѣсь-то, главнымъ образомъ, можно научиться любить.

Ради большей ясности я назвалъ нѣкоторыя составныя части любви; но это только части; сама любовь не поддается опредѣленію. Свѣтъ—нѣчто большее, нежели соединеніе семи цвѣтовъ; это—истекающій изъ солнца, освѣщающій и вмѣстѣ согрѣвающій животельный эфиръ. Такъ и любовь больше совокупности своихъ свойствъ: это—рождающееся въ Богѣ, излучающее свѣтъ и теплоту, и сердце и душу освѣжающее начало. Человѣческое искусство можетъ собрать всѣ семь цвѣтовъ въ одинъ—получится бѣлый цвѣтъ; но воспроизвести свѣтъ оно не въ силахъ. Соединеніемъ въ себѣ всѣхъ добродѣтелей человѣкъ, конечно, становится добродѣтельнымъ, но любви онъ создать не можетъ. Какъ же достигнуть намъ того, чтобы полнота этого небеснаго блага проникла въ наши души? Мы направляемъ свою волю, стремясь обезпечить за собою это благо, стараемся подражать тѣмъ, кто имъ обладаетъ; въ этихъ видахъ подчиняемъ свою жизнь разнымъ правиламъ, мы бодрствуемъ, молимся. Но все это не въ состояніи внести любовь въ наше сердце, потому что любовь есть *дѣйствіе*, и только при соблюденіи нами надлежащихъ условій можетъ быть произведено въ насъ это дѣйствіе. Указать ли мнѣ вамъ *причину* этого дѣйствія, или, другими словами, *источникъ любви*?

Въ первомъ посланіи Іоанна Богослова сказано: „*будемъ любить Его, потому что Онъ прежде возлюбилъ насъ*“. Новые критики текста, основываясь на извѣст-

ныхъ первоначальныхъ спискахъ *), читають это мѣсто такъ: „*Мы любимъ, потому что Онъ прежде возлюбилъ насъ*“. Не сказано: любимъ Его, а просто: мы любимъ. Такое толкованіе соотвѣтствуетъ духу всей главы, говорящей о любви къ Богу и ближнему. „Мы любимъ, потому что Онъ сперва возлюбилъ насъ“. Эти слова: „потому что“, указываютъ на причину. Такъ какъ Онъ, т. е. Богъ, сперва возлюбилъ насъ, поэтому мы любимъ Его и потому любимъ своихъ братьевъ. Его любовь имѣетъ такую силу, что пробуждаетъ въ насъ полную взаимную любовь, и сердце наше постепенно преобразуется. Посмотрите на любовь Христа, и вы научитесь любить. Станьте къ Нему такъ, чтобы въ нашемъ сердцѣ отражалось Его существо, чтобы вы сами сдѣлались Его образомъ, и вы будете возрастать въ любви—отъ любви черезъ любовь къ любви. Это единственный путь; другого нѣтъ. Любовь не предписывается. Достойное любви можно созерцать, полюбить его и, проникнувшись имъ, уподобиться ему. Поэтому, смотрите на Совершеннаго Человѣка, на совершенную жизнь Иисуса Христа. Взирайте на Его великую жертву, на то, какъ Онъ предавалъ Себя въ теченіе всей Своей жизни—до Креста на Голгоѣ, и вы должны полюбить Его. И, любя Его, вы сдѣлаетесь Его подобіемъ. Любовь порождаетъ любовь.—Это индуктивный процессъ. Если кусокъ желѣза привести въ соприкосновеніе съ наэлектризованнымъ тѣломъ, то временно наэлектризовывается и желѣзо; отъ простого соприкосновенія съ магнитомъ оно само обнаруживаетъ на нѣкоторое время магнитныя свойства, и пока не нарушается это соприкосновеніе, оба тѣла въ равной мѣрѣ остаются магнитными. Оставляйтесь съ Тѣмъ, Кто возлюбилъ насъ и предалъ Себя за

*) Каковы александрійскій и ватиканскій.

насъ, тогда и вы сдѣляетесь постояннымъ магнитомъ, постоянно притягательною силою; подобно Ему будете притягивать къ себѣ всѣхъ людей, подобно Ему притягиваться ко всѣмъ. Таково неизбѣжное дѣйствіе Божественной любви. Держитесь только причины, и дѣйствіе ея не замедлитъ послѣдовать. Не думайте же, будто религія христіанская есть нѣчто случайное, загадочное, отвлеченное; это нѣчто совершенно послѣдовательное и приобщается намъ согласно естественнымъ, или, если хотите, сверхъестественнымъ законамъ, такъ какъ всякій законъ исходитъ отъ Бога. Эдуардъ Ирвингъ посѣтилъ какъ-то умирающаго мальчика; онъ подошелъ къ его постели, положилъ руку на голову больного и сказалъ: „Дитя мое, Богъ любитъ тебя“, и съ этими словами вышелъ. И страдавшій смертельною болѣзнію мальчикъ вскочилъ на постели и громко закричалъ своимъ домашнимъ: „Богъ меня любитъ! Богъ меня любитъ!“ Онъ какъ бы совсѣмъ преобразился. Мысль, что его любитъ Богъ, настолько завладѣла имъ, что сердце его растаяло подъ лучами этой любви, и съ той минуты началось его обновленіе. Такъ расплавляетъ любовь Божія жестокое сердце наше и создаетъ въ насъ новаго человѣка, терпѣливаго, кроткаго, милосерднаго, безкорыстнаго. Другого пути не существуетъ. Дѣло очень простое. Мы любимъ своего ближняго, мы любимъ всѣхъ, и враговъ нашихъ, потому что Онъ сперва возлюбилъ насъ.

Похвала любви.

Теперь мнѣ остается указать на причину, по которой ап. Павелъ восхваляетъ любовь какъ высшее благо. Эта причина весьма достойна вниманія; она состоитъ въ томъ, что *„любовь никогда не перестаетъ“*. И какъ въ началѣ главы, такъ и здѣсь, апостоль даетъ удивительно мѣткій перечень того, что считалось въ то время особенно важнымъ и имѣвшимъ прочную будущность, и вслѣдъ затѣмъ показываетъ, что все это недолговѣчно, преходяще.

„Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся“. Въ тѣ дни лучшее, что умѣла пожелать своему сыну еврейская мать, это—чтобы онъ сталъ пророкомъ, такъ какъ пророкъ считался даже выше царя, а между тѣмъ прошло уже нѣсколько вѣковъ со времени появленія послѣдняго пророка. Тѣмъ упорнѣе ждали люди, что вновь возстанетъ пророкъ и, какъ было встарину, возвѣститъ имъ Божию волю. Павелъ же говоритъ: *„Пророчества прекратятся“*. Библия полна пророчествъ; одно за другимъ они прекратились; это значить, что, за совершившимся ихъ исполненіемъ, задача ихъ была кончена. Въ настоящее время они имѣютъ значеніе лишь въ томъ смыслѣ, что знаніе ихъ укрѣпляетъ вѣру.

Затѣмъ ап. Павелъ говоритъ о языкахъ, другомъ предметѣ горячихъ желаній того времени. *„И языки умолкнутъ“*. Мы все знаемъ, что прошло много столѣтій съ тѣхъ поръ, какъ говорили на чужихъ языкахъ. Они умолкли. Принимайте это въ какомъ угодно смыслѣ.

И если бы рѣчь шла только объ языкахъ въ обыкновенномъ смыслѣ—хотя апостоль разумѣлъ здѣсь и иное, но въ этомъ отдѣльномъ случаѣ нашего предположенія достаточно для раскрытія общей истины—развѣ языки не прекращаются? Гдѣ теперь древніе языки, какъ греческій, на которомъ ап. Павелъ писалъ свои посланія? Онъ миновалъ. А латинскій, другой господствующій языкъ того времени? И его давно нѣтъ. Языкъ индійцевъ почти исчезъ. Языки Уэльса, Ирландіи и Верхней Шотландіи доживаютъ послѣдніе дни. Самая распространенная на англійскомъ языкѣ, послѣ Библіи, книга, это извѣстное сочиненіе Диккенса „Записки Пиквикскаго клуба“; она написана бѣльшею частью языкомъ лондонскихъ улицъ, и свѣдущіе люди увѣряютъ насъ, что чрезъ какія-нибудь полсотни лѣтъ развѣ очень немногіе въ состояніи будутъ читать ее.

Но ап. Павелъ идетъ дальше и, съ возрастающимъ дерзновеніемъ, объявляетъ, что и „*знаніе упразднится*“. Гдѣ мудрость древнихъ? Она прошла. Школьникъ знаетъ въ наше время больше, чѣмъ зналъ когда-то Исаакъ Ньютонъ; знаніе его миновало. Вчерашнюю газету вы бросаете въ печь: ея свѣдѣнія стали не нужны. Старыя изданія знаменитыхъ энциклопедій можно купить за бездѣлицу: ихъ знаніе упразднилось. Старинная курьерская почта вытѣснена паромъ, и вотъ уже дошли до того, что электричество заставитъ бросить, какъ отжившую вещь, и паръ съ сотнею другихъ изобрѣтеній нашего вѣка. Сэръ Вильямъ Томсонъ, одинъ изъ величайшихъ авторитетовъ въ своей спеціальности, выразился недавно, что „паровая машина устарѣла“. Всякое наше знаніе, всѣ наши изобрѣтенія современемъ упразднятся. Почти на каждой большой фабрикѣ можно найти въ какомъ-нибудь углу кучу стараго желѣза, пару колесъ, пару рычаговъ или другихъ частей, сломанныхъ, по-

крытыхъ ржавчиной. А двадцать лѣтъ тому назадъ эти вещи составляли гордость какого-нибудь города. Люди стремились сюда со всѣхъ концовъ страны, чтобы по-смотреть на великое изобрѣтеніе. Теперь оно обогнано другими, и дни его прошли. И вся наша знаменитая наука, мудрость нашего вѣка, скоро окажется устарѣвшею. Давно ли сэръ Джемсъ Симпсонъ, открывшій хлороформъ, былъ самымъ почетнымъ человѣкомъ въ Единбургскомъ университетѣ, а надняхъ къ его преемнику и племяннику, профессору Симпсону, библіотекаръ университета обратился съ вопросомъ, какіе учебники по его предмету можно, по его мнѣнію, убрать въ подвалъ, и получилъ въ отвѣтъ: „Всѣ руководства старше десяти лѣтъ“. Сэръ Джемсъ Симпсонъ немного лѣтъ тому назадъ былъ первымъ авторитетомъ; со всѣхъ краевъ свѣта пріѣзжали къ нему за совѣтомъ, а теперь почти вся медицинская литература того времени предана забвенію. То же самое наблюдается во всѣхъ другихъ отрасляхъ науки. *„Теперь мы знаемъ отчасти“,* говоритъ апостоль, *„видимъ какъ бы сквозь тусклое стекло“.*

Можете ли вы назвать мнѣ что-нибудь дѣйствительно прочное? Много на свѣтѣ такого, чему люди привыкли придавать цѣну, но что апостоль не считаетъ даже достойнымъ упоминанія. Деньги, богатство, великое имя—ихъ онъ совсѣмъ не называетъ; онъ беретъ только то, что имѣло извѣстное значеніе въ глазахъ лучшихъ людей того времени, и все это устраняетъ. Ап. Павелъ ничего не имѣетъ противъ этихъ вещей самихъ по себѣ; онъ говоритъ лишь, что онѣ упразднятся. То, что онъ называлъ, имѣло значеніе, но не было высшимъ благомъ. Есть вещи, превосходящія названныя. То, каковъ человѣкъ, имѣетъ гораздо большую важность, нежели то, что онъ можетъ или что имѣетъ. Съ другой стороны

многое, что не есть грѣхъ, считается у людей грѣхомъ; это лишь вещи преходящія. На эту-то непрочность и указывается такъ часто въ Новомъ Завѣтѣ! Іоаннъ не говоритъ о мірѣ, что онъ не хорошъ, но что онъ „проходитъ“. Много прекраснаго и чудеснаго на свѣтѣ, что по справедливости привлекаетъ наше вниманіе и намъ нравится, но все это преходяще. Все земное — похоть очей, похоть плоти; все что дѣлаетъ намъ жизнь пріятною и заманчивою, существуетъ лишь короткое время. Поэтому-то сказано: *„Не любите міра, ни того, что въ мірѣ“*; все это недостойно привязанности безсмертной души. Безсмертная душа для своего истиннаго удовлетворенія нуждается въ безсмертномъ же. А есть только три вещи, которыя пребудутъ, когда все остальное прекратится, *„теперь же пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше“*.

Нѣкоторые думаютъ, что и изъ этихъ трехъ двѣ нѣкогда прекратятся—что вѣра перейдетъ въ зрѣніе, надежда въ исполненіе. Апостолъ не говоритъ этого. Мы весьма мало знаемъ объ условіяхъ будущей жизни, зато несомнѣнно знаемъ одно,—что любовь перейдетъ и въ ту будущую жизнь и что и тамъ она не прекратится, потому что Богъ, Богъ вѣчный, есть любовь. Поэтому стремитесь къ вѣчному благу, къ единственному благу, завѣдомо вѣчно пребывающему, единственной монетѣ, которая будетъ приниматься во вселенной, когда всѣ другія монеты всѣхъ народовъ этого міра потеряютъ свою цѣну и выйдутъ изъ обращенія. Многому вы себя посвящаете, посвящайте себя прежде всего любви. Нужно умѣть цѣнить всякую вещь — *по ея дѣйствительной цѣнности!* Главною цѣлью нашихъ стремленій должно бы стать усвоеніе себѣ такихъ свойствъ, такого духа, который восхваляетъ намъ здѣсь

ап. Павелъ — духа Иисуса Христа, или, что то же, духа любви.

Любовь пребываетъ вѣчно! Обращали ли вы когда-нибудь вниманіе на то, что сванг. Іоаннъ такъ часто связываетъ любовь и вѣру съ вѣчною жизнью? Это такъ легко оставляется нами незамѣченнымъ. Въ юности меня не учили, что *„Богъ такъ возлюбилъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго, чтобы всѣ вѣрующіе въ Него не погибли, но получили бы жизнь вѣчную“*; скорѣе, мнѣ внушали, что Богъ, изъ любви къ намъ, грѣшнымъ людямъ, отдалъ Своего единственнаго Сына, и если я буду вѣровать въ Него, то обрѣту миръ и покой душѣ моей, то, что называется блаженствомъ, и современемъ взойду на небо. Вотъ приблизительно чему меня учили; но только впоследствии я понялъ главную истину этого изреченія, что вѣрующій въ Него, или другими словами, любящій Его — такъ какъ вѣра, какъ мы видѣли, составляетъ лишь путь къ любви—что вѣрующій въ Него имѣетъ *жизнь* вѣчную. Евангеліе общаетъ намъ жизнь. Этимъ безконечно много сказано. Если вы хотите пріобрѣтать людей для Христа, то покажите имъ *все* блаженство, а не половину его; скажите имъ не только, что они найдутъ миръ и покой, что они взойдутъ на небо, а лучше говорите имъ, что Христосъ пришелъ въ міръ, чтобы принести имъ болѣе полную жизнь, нежели ту, которою они живутъ сейчасъ,—жизнь гораздо болѣе изобилующую любовью, а потому и всѣмъ, что составляетъ блаженство, что даруетъ имъ не только блаженство для нихъ самихъ, но состраданіе къ другимъ, частицу искупляющей міръ любви. Тогда только Евангеліе можетъ охватить насъ всецѣло, проникнуть тѣло, душу и духъ и каждой части дать особую цѣль и особую награду. Многія изъ слышимыхъ нами проповѣдей спасенія обращаются

только къ одной части нашего существа: онѣ проповѣдуютъ миръ вмѣсто жизни, вѣру вмѣсто любви, оправданіе вмѣсто обновленія; и отъ такой религіи люди отвращаются часто только потому, что она не можетъ наполнить ихъ сердца. Она недостаточно высока, недостаточно глубока; наше сердце требуетъ большаго: оно ищетъ и алчетъ лучшей, полнѣйшей жизни, нежели та, которую мы знали доселѣ. Отсюда очевидно, что только *болѣе полная, вѣчная* любовь можетъ вытѣснить изъ нашего сердца любовь къ міру.

Вполнѣ любить значитъ вполнѣ жить, и вѣчно любить — то же, что вѣчно жить. Поэтому вѣчная жизнь нераздѣльно соединена съ любовью. Мы желаемъ жить вѣчно по той же причинѣ, по которой желаемъ пережить завтрашній день. А почему намъ дорогъ завтрашній день? Не потому ли, что завтра намъ опять хотѣлось бы видѣть того, кто любитъ насъ, кого и мы сами любимъ и съ кѣмъ желали бы быть вмѣстѣ. Вотъ единственная причина, почему мы любимъ жизнь — потому что мы любимъ и любимы сами. Человѣкъ убиваетъ себя, когда не остается никого, кто бы любилъ его. Пока у него есть друзья, которые его любятъ и которыхъ онъ любитъ въ свою очередь, до тѣхъ поръ жизнь ему въ радость, потому что любовь есть жизнь. И если у человѣка есть хотя одно привязанное къ нему существо, то онъ еще мирится съ жизнью; когда же у него не станетъ и этого послѣдняго друга, когда разрывается послѣдняя нить любви, то жизнь теряетъ для него всякую цѣну, и онъ налагаетъ на себя руки.

Далѣе, вѣчная жизнь состоитъ въ познаніи Бога, а Богъ есть любовь. Это собственное вѣское слово Христа — подумайте объ этомъ — ибо Онъ говоритъ: „Ибо

такова жизнь вечная, что они знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа". Знать Бога значитъ вѣчно жить! И такъ какъ любовь есть то же, что Богъ, то и она должна быть вѣчною. Такъ приходимъ мы опять къ тому же заключенію, что любовь есть жизнь. „Любовь никогда не перестаетъ“, не перестаетъ и жизнь, пока въ ней есть любовь. Такова мудрость жизни, которой ап. Павелъ хочетъ научить насъ; такова причина, почему любовь есть высшее благо. Она такова, потому что „не прекращается никогда“, потому что по своей природѣ она одно съ вѣчною жизнью. И этою вѣчною жизнью должны мы жить уже теперь, а не только налѣяться получить ее послѣ смерти; врядъ ли мы и найдемъ ее послѣ смерти, если не имѣли ея уже въ этой жизни. Печальна уже и въ этомъ мірѣ судьба человѣка, занятаго только самимъ собою, состарѣвшагося, но не обогатившаго себя любовью къ людямъ и ихъ любовью къ себѣ. Въ чемъ иномъ можетъ заключаться проклятіе, какъ не въ томъ, чтобы лишиться искупленія по неимѣнію любви въ себѣ и со стороны другихъ, и что другое можетъ значить быть искупленнымъ, какъ не любить? Кто пребываетъ въ любви, тотъ пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ, потому что Богъ есть любовь.

Еще одно послѣднее слово. Кто хочетъ присоединиться ко мнѣ, и въ теченіе слѣдующихъ трехъ мѣсяцевъ прочитывать по разу въ недѣлю тринадцатую главу перваго посланія къ Киринейцамъ? Я знаю человѣка, который такъ сдѣлалъ, и это дало его жизни совершенно новое содержаніе. Кто хочетъ послѣдовать этому примѣру? Дѣло идетъ о высшемъ и лучшемъ на свѣтѣ! Вы могли бы начать съ того, чтобы сначала читать каждый день, особенно стихи, излагающіе содержаніе любви:

„Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ; не ищетъ своего, не раздражается, все переноситъ, всему вѣритъ, всего надѣется“.

Все это достойно быть воспринятымъ въ вашу жизнь, ибо тогда все ваше дѣланіе будетъ вѣчнымъ. И какъ не посвятить такой цѣли нѣкоторую часть нашего времени. Никто, проводящій жизнь во снѣ, не можетъ сдѣлаться истиннымъ христіаниномъ; для успѣшнаго возрастанія въ духѣ Христа требуются извѣстныя средства — молитва, размышленіе, время. Всякій успѣхъ въ любомъ отношеніи, какъ тѣлесномъ такъ и духовномъ, требуетъ приготовленія и прилежанія. Пусть лучшее на свѣтѣ будетъ вашею цѣлью; чего бы вамъ это ни стоило, старайтесь пріобрѣсти это высшее благо. Оглянитесь на свою прошлую жизнь и вы найдете, что минуты, въ которыя вы дѣйствительно жили, были именно тѣ, когда вы трудились въ духѣ любви. Когда вы мысленно обозрѣваете свое прошлое, то надо всѣми мимолетными радостями свѣтлыми точками проступаютъ тѣ часы, когда вы ни для кого незамѣтно оказывали любовь другимъ; можетъ быть, это ничтожныя, почти не стоящія упоминанія вещи, но онѣ сдѣлались частью вашей вѣчной жизни. Я видѣлъ почти все великое и прекрасное, что создано Богомъ, я испыталъ почти всѣ радости, уготованныя Имъ здѣсь человѣку, но когда я оглядываюсь назадъ, то изъ всѣхъ прожитыхъ мною лѣтъ остается для меня какихъ-нибудь четыре пять случаевъ, въ которыхъ любовь Божія отразилась въ томъ, что я, слабый человѣкъ, могъ сдѣлать кое-что и кое-гдѣ изъ любви къ Нему, и это одно переживаетъ земное. Все остальное въ жизни преходяще, имѣетъ лишь кажущуюся цѣну. Лишь то одно, что творитъ любовь, дѣла, о которыхъ никто не знаетъ, которыя извѣстны только Богу—то лишь пребываетъ.

Евангелистъ Матеей рисуеъ передъ нами картину страшнаго суда, гдѣ Сидящій на престолѣ славы отдѣляетъ однихъ людей отъ другихъ, какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ. Окончательный приговоръ надъ нами какъ христіанами будетъ соображаться не съ внѣшней религіозностью нашей, а со степенью явленной нами любви—съ тѣмъ, насколько я выполнилъ тѣ многоразличныя мелкія требованія любви къ ближнему, которыя предъявлялись мнѣ ежеминутно въ теченіе всей моей жизни. Такъ вѣдь и должно быть, потому что жить безъ любви значитъ отрицать Духъ Христа; такую жизнью мы доказываемъ, что Онъ остался чуждъ намъ, что Онъ напрасно жилъ для насъ; это значитъ, что во всѣхъ нашихъ думахъ не было ни одной мысли, Имъ пробужденной, во всей нашей жизни—ни одного дѣйствія, проникнутаго Его любовью, что мы никогда не приближались къ Нему настолько, чтобы могли быть охвачены чудодѣйственной силой Его спасительнаго страданія къ міру.

Передъ Сыномъ *Человѣческимъ* будутъ собраны всѣ народы міра, и въ присутствіи всего *человѣчества* будемъ мы судимы. Уже одинъ видъ всего происходящаго осудить каждаго въ его совѣсти. Тамъ будутъ тѣ, коимъ мы оказали добро, или тѣ многіе бѣдники и страдалцы, мимо которыхъ мы прошли безучастными. Другихъ свидѣтелей противъ насъ не потребуется, и единственной виною будетъ неимѣніе любви. Благодаря Бога, христіанство нашихъ дней стало внимательнѣе относиться къ бѣдствіямъ *человѣчества*. Благодаря Бога, люди начинаютъ, хотя и въ очень незначительной степени, понимать, въ чемъ заключается истинное служеніе Богу, что такое Богъ, кто такое Христосъ и гдѣ Христосъ. Кто же Христосъ? Тотъ, кто насыщалъ голодныхъ, одѣ-

валъ нагихъ, посѣщаль больныхъ. И гдѣ Христосъ? Гдѣ?—*„Кто приметъ одно такое дитя во имя мое, тотъ Меня принимаетъ“*. И кто христіане?—*„Всякій любящій рожденъ отъ Бога“*, говоритъ евангелистъ Іоаннъ.

К О Н Е Ц Ъ .

